

КАЛАШНИКОВА Е. В.

ОБРАЗ ПУТИ-ДОРОГИ В ПОВЕСТИ ДЕНИСА ОСОКИНА «ОВСЯНКИ»

Аннотация. В статье рассматривается образ пути-дороги в повести Дениса Осокина «Овсянки». Дорога, с одной стороны, понимается как направление, по которому герои доберутся до цели. С другой стороны – это исторический путь, выбранный народом меря для возвращения в настоящее.

Ключевые слова: образ, путь-дорога, народ меря, художественная история, фольклор.

KALASHNIKOVA E. V.

THE IMAGE OF ROAD IN THE NOVEL "REED BUNTINGS" BY DENIS OSOKIN

Abstract. The article considers the image of road in the novel "Reed Buntings" by Denis Osokin. On the one hand, the road is interpreted as the direction following which the heroes will reach their destination. On the other hand, the road is interpreted as the historical path selected by the Merya people to return to the present.

Keywords: image, road, Merya people, history, folklore.

Современные исследователи понимают прозу Дениса Осокина как прямую отсылку к родовым корням, желание постичь богатство фольклорного наследия народов России. Писатель показывает, что прекрасный мир прошлого, сохранившийся в аутентичных текстах, во многом позволяет понять нас сегодняшних (нашу духовность или ее отсутствие), открыть тайны языка, национального менталитета, культуры. Поэтому художники XXI столетия черпают вдохновение в мифах, легендах, сказках, через которые не только проникают в древность, но и декодируют современность. Кроме того, «исследование и знание этнической родословной, национальной истории важно для самоидентификации, для определения места народа среди других народов, для нахождения правильного вектора его развития» [11, с. 7].

Художественная история народа меря написана Денисом Осокиным благодаря фактическому материалу, почерпнутому из фольклора русского и российских финно-угорских этносов. Повесть «Овсянки» – это обращение к людям, до сих пор мыслящим себя мерей, желающим вспомнить свои национальные корни, традиции, обычаи, вновь обрести утраченную ментальность большого народа. Неслучайно поэтому одним из центральных образов осокинской прозы является образ пути-дороги. Художник выстраивает путь, определяет движение и отправляет своих героев в путешествие в поисках себя, заставляет их «вспомнить все» о себе, открыть свое прошлое, чтобы не затеряться в настоящем.

Путь-дорога как образ и мотив становится ведущим, стержневым, скрепляющим всю повесть в художественное единство с особой концентрацией обобщения. Фольклорные

образы-символы, играющие в повествовании жанрообразующую роль, приобретающие в ходе повествования знаковое, сакральное значение, способствуют созданию образов мерянской земли и народа меря. Так, образ птицы является символом начала жизни, семейного благополучия, но вместе с тем и символом потусторонних сил, олицетворением души умершего. В этой связи любопытна следующая деталь: «овсянки ехали тихо – даже слишком. иногда – чтобы делалось им веселее – я ставил клетку на колени. Она была большая – и загораживала мне лобовое стекло. Через клетку, через овсянок я смотрел на дорогу» [1, с. 587]. Водная и огненная стихии выполняют особую, очистительную функцию, изгоняют все темные и нечистые силы. Образ реки мыслится как непосредственная черта между жизнью и смертью, а утонуть в реке – великое счастье, которое дается лишь избранным. Река сама выбирает того, кто достоин погрузиться в нее, оказаться в ее зачарованном мире. Фольклорное бытие, существующее в периметре фиксированных семантических оппозиций, активно осваивается Денисом Осокиным и его героями. Последние существуют в предложенном им время-пространстве очень гармонично, не переживая потрясений и противоречий.

Это кажется парадоксальным, поскольку Денис Осокин на страницах «Овсянок» воссоздает мифологический процесс творения мира, используя главные его элементы – воду, огонь, землю, воздух, проецируя его на процесс возрождения, т.е. повторного творения, народа меря [8; 10]. Таким образом, представляется событие вселенского масштаба, а Аист, Мирон Алексеевич, Танюша неоправданно спокойны. Объясняется это тем, что они находятся в эпицентре творения, участвуют в нем, следовательно, не осознают всей важности происходящего.

Концепция создания и существования мира в границах уже упомянутых нами семантических оппозиций (в первую очередь, оппозиции «жизнь – смерть») проявляется и в реконструкции Денисом Осокиным похоронного и свадебного обрядов народа меря. В повести наблюдаем не параллельную реконструкцию, а одновременную. Жизнь и смерть, величание и оплакивание, встреча и прощание переплетаются писателем накрепко. Между прочим, заметим, что в современной литературе восприятие жизни как явления амбивалентного стало традиционным [3; 4; 7; 12].

Свадебный обряд, данный в повести, хотя и включает элементы подлинного свадебного обряда финно-угров (известный, например, в прошлом у народа мокша ритуал укрывания низа невесты ситом; в повести в качестве препятствия для проникновения в женский низ используются разноцветные ниточки), оставляет впечатление либо очень древнего и забытого настолько, что его уже не узнать, либо выдуманного.

Описание мерянского похоронного обряда в повести «Овсянки» становится каркасом сюжета. Современное сознание буквально воспринять его не может. Оно кажется какой-то странной фантазией. Однако некоторые элементы похоронного ритуала вполне реалистичны и имели место в древности (украшение, одаривание, сожжение ушедшей женщины).

Писатель признается, что повесть «Овсянки» – не его этнографическое исследование, а предложенные в ней обряды мери – плод соединения художественного вымысла и аутентичного материала. Денис Осокин предлагает читателю сказки для взрослых, а сказка – это волшебная игра со своими правилами, предполагающими некие условности, которые читатель должен принять.

Герои проезжают мерянские города и реки, которых так много, что мерянская земля кажется безграничной. А после того, как Волга называется великой мерянской рекой, возникает убежденность, что Россия – страна мери. Автор не устает перечислять названия мерянских населенных пунктов и рек: Нея, Унжа, Косторма, Галич, Чухлома, Вохтома, Покша, Кологрив, Ужуга, Ока, Волга, Вохма, Заволжск, Кинешма, Кочки, Коноплянка, Юрьево, Балахна, Кстово и т.д.

Дорога – символ жизненного пути, пути души в загробный мир, особенно значимый в переходных ритуалах; место, где проявляется судьба, доля, удача человека. Как правило, дорога понимается как одна из разновидностей границы между «своим» и «чужим» пространством. Дорога в устно-поэтическом творчестве – место появления мифологических персонажей.

Заметим, что в «Овсянках» образ дороги в полной мере сохраняет свое символическое значение. Она буквально приводит героев из мира живых в другой мир, но они этого не замечают, их движение спокойно, упорядоченно, ими четко видится цель их путешествия. Герои повести едут по прямой ровной дороге, им хорошо известной, не готовящей для них неожиданностей. Они плавно вместе с Танюшей въезжают в «загробный мир», как будто даже не почувствовав границы между этим и тем миром. В какой-то момент дорога превращается в реку, по которой легко плывет машина-лодка.

Мирон Алексеевич и Аист абсолютно доверяют дороге. В данном случае ими руководит древнее представление о разумности дороги, обладающей собственным сознанием. Их ничто не пугает и не смущает даже тогда, когда они понимают, что пропустили нужный поворот и проехали много лишних километров. Дорога закружила, околдовала их, чтобы испытать. Такое часто встречается в эпических и сказочных повествованиях финно-угорских народов, к которым относится и народ меря [9; 2; 5; 6]. И если герой выдержит испытание, то станет крепче и увереннее в себе. В этом контексте естественно звучит мысль о том, что «герой <...> проходит сложнейшую трансформацию,

изменяясь в зависимости от времени и исторических обстоятельств, в которых он возникает и существует как персонаж, определяющий судьбу представляемого им этноса» [9, с. 163].

Денис Осокин вплетает этот фольклорный мотив в общую мотивику повести: «мы не повернули вовремя вправо – и влетели в молочаи – и увязли в них. Нам по-дружески замигали все их светофоры – и теплые окна сормовских квартир, в которые только что возвратились усталые люди» [1, с. 594]. Очень скоро герои вновь находят дорогу и продолжают движение, которое не конечно. Дорога – это Жизнь. И личные истории героев повести тому свидетельство.

Заметим, что архетип дороги в мифоритуальной традиции разных народов, благодаря своей универсальности, давал возможность для наполнения его в дальнейшем складывании этноса семантикой, учитывающей специфику именно этого народа. И Денис Осокин, как специалист по фольклору, учитывает эту особенность. Меря считается народом, растворившимся в других, потерявшим свое лицо: «лица невыразительные как сырые олады. волосы и глаза непонятного цвета. глубокие тихие души»; «за Ольгино нас остановил дорожный патруль. сыро-тестяная физиономия в фуражке отсалютовала мирону алексеевичу. мы показали ей свои физиономии – примерно такие же» [1, с. 595]. Однако этот народ сохранил национальную память, выражающуюся в присвоении новорожденным детям особых, мерянских, имен; в исполнении особых, мерянских, свадебного и похоронного обрядов; в возникающих откуда-то из глубины сознания особых, мерянских, слов и т.д. Дороги народа меря бесконечны и уходят в непроглядные дали, поскольку только сейчас, в XXI веке, он начинает осознавать себя полноценным, начинает вспоминать себя, верить в то, что действительно существует, что он не фантом и что его история только начинает по-настоящему писаться.

Денис Осокин взялся создать художественную историю народа меря. Творя эту историю, он стремится спровоцировать мерю вспомнить свои корни, небесные и земные – взбунтовать свою генетическую память. Путь-дорога как образ и мотив, берущий начало в архетипическом, становится ведущим, стержневым, скрепляющим всю повесть в художественное единство с особой концентрацией обобщения. Фольклорные образы-символы, играющие в повествовании жанрообразующую роль, приобретающие в ходе повествования знаковое, сакральное значение, способствуют созданию образов мерянской земли и народа меря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Д. С. Овсянки: Рассказы, повесть. – М.: КоЛибри, 2011. – 624 с.
2. Глухова Н. Н., Кудрявцева Р. А. Этнические ценности Мари // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4-2 (30). – С. 44–47.
3. Гудкова С. П. Крупные жанровые формы в русской поэзии второй половины 1980-2000-х годов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саранск, 2011. – 41 с.
4. Гудкова С. П., Дубровская С. А., Шаронова Е. А. Система персонажей романа Захара Прилепина «Патологии» сквозь призму карнавализации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 4. – С. 191–195.
5. Косинцева Е. В. Концепт «дом» в хантыйской поэзии // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – № 6 (85). – Ч.1. – С. 65–75.
6. Мышкина А. Ф. Истоки художественно-философского мышления в национальных литературах Поволжья и Приуралья // Известия Томского политехнического университета. – 2006. – Т. 309. – № 3. – С. 226–230.
7. Осовский О. Е., Дубровская С. А. Разработка концепции «смехового слова» в трудах М. М. Бахтина 1930–1960-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4-1 (34). – С. 163–167.
8. Федосеева Е. А. Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция: дисс. ... д-ра филол. наук. – Саранск, 2007. – 444 с.
9. Шаронов А. М., Шаронова Е. А. Трансформация образа героя в эрзянской и мокшанской героической поэзии // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2010. – Т. 14. – № 2. – С. 149–164.
10. Шаронов А. М. Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2001. – 207 с.
11. Шаронов А. М. Эрзя, Меря, Русь в историографии России. – Саранск, 2013. – 264 с.
12. Шаронова Е. А., Гудкова С. П., Дубровская С. А. Война как карнавал смерти (на материале романа З. Прилепина «Патологии») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6-1 (36). – С. 204–207.